

ІОСИФЪ АБРАМОВИЧЪ

И Ц Б Р И Т

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

I.

На основании сего

А. Н.

1847. 1.

Стихотворения

СТИХОТВОРЕНІЯ

Пушкин, Александр Сергеевич

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Ч. I.

Первая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Мейер (1740)

1829.

PG 3340

. A17

1829

copy 2

104837

'07

Съ дозволенія Правительства.

1815.

I.

Л И Ц И Н Ы Ю.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Вешулій молодой
Въ толпу народную лешипъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клоняшъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гоняшъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умилно вслѣдъ за нимъ спремипъ усердный взглядъ;
Ждутъ, ловяшъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали пь прахъ:

Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
 Есть нѣкій памятникъ почешный и священной.
 О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
 Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
 Квирипы гордые подъ иго преклонились.
 Кому жъ, о небеса, кому поработились?
 (Скажу ль?) Вешулію! Опчизны спыдъ моей,
 Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ просперъ яремъ, отечество безславишь;
 Вешулій Римлянъ царь!... О спыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
 Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Дамешъ!
 Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смиренно поклонясь фортуны и мечшамъ,

Съдаго циника примѣромъ научишься?
 Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проспишься,
 Гдѣ все продажное: законы, правоша,
 И консулъ и TRIBUNъ, и честь и красота?
 Пускай Глицерія, красавица молодая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопытность другихъ въ наемну ловишь състь!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣшь;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
 Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуюшъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Опъ знашнихъ къ богачамъ ползущъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипишь въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лицнній, поспѣшимъ далеко опъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Зависпливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ опщескіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рошъ, на берегу морскомъ,
 Найши неспрудно намъ укромный, свѣпый домъ,

Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
 И шамъ, расположась въ уюпномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сапиръ праведной пороки изображу
 И нравы сихъ вѣковъ попомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край развраща, злодѣянья!
 Придешь ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падешь, падешь во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымуть мощны длани,
 И горы и моря оставяшь за собой
 И хлынуть на тебя кипящею рѣкой.
 Исчезнешь Римъ; его покрось мракъ глубокой;
 И пушникъ, усстремивъ на груды камней око,
 Воскликнешь, въ мрачное раздумье углублень:
 «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погублень.»

II.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи ;

Холмъ одѣлся шемношой ;

Ходишь въ облачномъ сіяньи

Полумѣсяцъ молодой.

Вижу : лира надъ могилой

Дремлетъ въ сладкой тишинѣ ;

Лишь порою звонъ унылой ,

Будто лѣни голосъ милой ,

Въ мертвой слышится струнѣ.

Вижу : горлица на лирѣ ,

Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...

Други , здѣсь почишь въ мирѣ

Сладострасія мудрецъ.

Посмотрите : на порфирѣ
 Оживилъ его рѣзецъ !
 Здѣсь онъ въ зеркало глядится ,
 Говоря : я сѣдъ и старъ ,
 Жизнью дайте жъ насладиться ;
 Жизнь , увы , невѣчный даръ !
 Здѣсь , поднявъ на лиру длани
 И нахмуря важно бровь ,
 Хочетъ пѣть онъ бога брани ,
 Но поетъ одну любовь .
 Здѣсь готовится природѣ
 Долгъ послѣдній заплакать :
 Старецъ пляшетъ въ хороводѣ ,
 Жажду просить утолить .
 Вкругъ любовника сѣдаго
 Дѣвы скачутъ и поютъ ;
 Онъ у времени скупаго
 Крадетъ нѣсколько минутъ .
 Вотъ и музы и харишны
 Въ гробъ любимца увели ;

Плющемъ, розами увишы
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслаждение,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, въкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубокъ наливай;
Страстью пылкой упомайся,
И за чашей отдыхай!

1816.

I.

П Р О Б У Ж Д Е Н І Е.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ шны, гдѣ шны,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во тмѣ глубокой
Я пробуждѣнь.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.

Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечшанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловишь сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поушру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

II.

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Злапые дни, злапыя ночи,
И шомныхъ дѣвъ усшремлены
На васъ внимашельныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Ушрайте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

III.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тѣмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
 Встрѣчали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой гласъ

Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;

Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,

Вздохнули ль вы?

IV.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?... Вошь? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эроса:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.

Взялся за новую затѣю :

Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идесть проказникъ къ Гименею...

А что такое Гименей?

Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человекъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.

Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все шрусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулил супоспаща
Съ своимъ докучнымъ фонарёмъ.

Вопъ мальчикъ мой къ нему подходитъ

И рѣчь коварную заводитъ :

« Развеселися, Гименей!

« Ну, помиримся, будь умнѣй!

« Забудь, шоварищъ мой любезный,

« Раздоръ смѣшный и безполезный!

« Да только навсегда, смотри!

« Возми жъ повязку въ память, милый,

« А мнѣ фонарь свой подари! »

И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.

Амуръ ошъ радости прыгнулъ,

И на глаза со всей онъ силы

Обнову брапу зашянулъ.

Гимена скучные дозоры

Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;

Его завистливые взоры

Теперь не страшны красошамъ;

Спокоенъ онъ, но братъ коварный,

Шутя надъ честью и надъ нимъ,

Войну ведетъ неблагодарный

Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.

Лишь сонъ на смертныхъ налешаетъ,

Амуръ въ молчаніи ночью

Фонарь любовнику вручаетъ,

И самъ счастливца провожаетъ

Къ уснувшему супругу въ домъ ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняешь шайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣспи повѣрь!

V.

Ш * * * В у.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цишерой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашъ игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любишь открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовашъ, плѣняшся красою:
 Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать гошовъ,

Но, милый, сжался надо мною,

Не пребуй отъ меня стиховъ!

Невѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной истины я поздній вижу свѣтъ.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоенны
 Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,
 И, презря мудрые угрозы и совѣщья,
 Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я презвѣй межъ друзьями,
 Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
 Мечташательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
 Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
 И сонные стихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили Парнаскія забавы;
 Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
 И, спрогимъ опышомъ невольно пробуждѣнъ,
 Уснувъ межъ розами, на пернахъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печать
 Охоша смертная на рифмахъ лепешать,
 Сравнивъ стихи свои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писать.

1817.

I.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?

Кого, куда зовушь и бубны и тимпанъ?

Что значать радостные лики

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругъ свѣшная свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... Вошь онъ, вошь сильный богъ!

Вошь Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вошь онъ, вошь Индіи герой!

О радость! Полныя шобой

Дрожатъ, гошovy грянушь струны

Нелицемѣрною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаши,

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ ширсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вопь онъ, вопь Вакхъ! О часъ оправднѣй!

Державный ширсъ въ его рукахъ;

Вѣнецъ желшѣетъ виноградный

Въ чернокудрявыхъ волосахъ...

Течетъ. Его молодые шигры

Съ покорной яростью влекутъ;

Кругомъ лешають эрошы, игры,

И гимны въ честь ему поюшь.

За нимъ тѣснѣтся козлоногій

И фавновъ и сашировъ рой;

Плющемъ опушаны ихъ роги;

Бѣгутъ смятенною толпой

Вослѣдъ за быстрой колесницей:

Кто съ проспниковою цѣвницей,

Кто съ вѣрной кружкой своей;

Тотъ оступившись упадаетъ

И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливаешь,
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:
 Звучать веселые тимпаны;
 Младая нимфы и сильваны,
 Составя шумный хороводъ,
 Несутъ недвижнаго Силена...
 Вино спруишься, брызжешь пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за спящимъ старикомъ
 И ширсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ шяжко-золошой,
 Вѣнчанный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воешь берегъ опдаленный.
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанны гроздемъ, обнажены,
 Бѣгутъ Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и впорятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.

Промчались, лешящъ, свивающся руками,

Волшебной пляской топчущъ лугъ :

И младость пылкая толпами

Спекается вокругъ.

Поющъ неистовыя дѣвы ;

Ихъ сладостраспные напѣвы

Въ сердца вливають жаръ любви ;

Ихъ перси дышатъ вождельнѣемъ ;

Ихъ очи, полныя безумствомъ и помленьеиъ ,

Сказали : счастье лови !

Ихъ вдохновенныя движенія

Сперва изображаютъ намъ

Спыдливость милаго смященія ,

Желанье робкое, а тамъ

Восторгъ и дерзость наслажденья.

Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ ;

Махая пирсами несутся ;

Ужь издали ихъ вопли раздаются,
 И гуль имъ вшоришь по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суебы!
 Теки, вино, струею пѣнной
 Въ честь Вакха, музъ и красоты!
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

II.

Р А З Л У К А.

Въ послѣдній разъ, въ стѣни уединенья,
Моимъ спихамъ внимаешь нашъ пеняпъ.

Лицейской жизни милый брапъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
И дни твои полешомъ сновидѣнья
Да пролешапъ въ счастливой тишинѣ!

Прости! Гдѣ бѣ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной бѣшвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,

Святому братству вѣренъ я.

И пусть (услышишь ли судьба мои молитвы?),

Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

III.

П * * * Н у.

Что восхищительный, живой
 Войны, сражений и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завидный краткихъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ и нѣтъ и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный прусъ Горацій
 Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;

Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливы, кто миль и спрашенъ міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала;
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

ДЕЛВИГУ.

Любовью, дружесшвомъ и лѣнью
 Укрышый опъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
 Въ уединеніи ты счасливъ: ты поэтъ.
 Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промысль высокій и свяшой;
 Его баюкають камены молодыя
 И съ перспомъ на усахъ хранящъ его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
 Еще въ младенческую грудь
 Вліяли искру вдохновенья
 И тайный указали путь:
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувствовать умѣлъ,

И лира спала мой удѣлъ.

Но гдѣ же вы, минушны упоенья,

Неизъяснимый сердца жаръ,

Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.

Какъ рано зависти привлечь я взоръ кровавой

И злобной клеветы невидимый кинжалъ!

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,

Ни гордой жаждою похвалъ

Не буду увлечень! Въ бездѣйствіи счастливомъ,

Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;

Но, можетъ быть, вздохну въ воспоргъ молчаливомъ,

Внимая звуку струнъ твоихъ.

1818.

I.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ спраспи горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лишь,
Напраснымъ пламенемъ содержишь воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таишь:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы себя, унылыхъ чувствъ искатель,
Поспигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ швоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый шоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вопще смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдая обнималъ

И сохнуль въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья :

Повѣрь, тогда бѣ ты не пишалъ

Неблагодарнаго мечтанья.

Нѣтъ, нѣтъ : въ слезахъ упавъ къ ногамъ

Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, испугленной,

Тогда бѣ воскликнуль ты къ богамъ :

Опдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,

Возмите опъ меня сей образъ роковой;

Довольно я любилъ; опдайте мнѣ покой...

Но мрачная любовь и образъ незабвенный

Остались вѣчно бы съ тобой.

II.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?

Или невѣрное то было сновидѣнье,

Мечтанье смутное, и пламенный недугъ

Обманомъ волновалъ мое воображенье?

Въ минушны мрачныя болѣзни роковой,

Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной

Въ одеждѣ вонна съ неловкостью пріятной?

Такъ, видѣлъ я тебя; мой шускый взоръ узналъ

Знакомыя красы подъ сей одеждой рашной:

И слабымъ шопотомъ подругу я называлъ...

Но вновь въ умѣ моемъ спѣснились мрачны грезы:

Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...

И вдругъ я чувствую швое дыханье, слезы

И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огонь по сердцу пробъжалъ!

Я закипѣлъ, запрепешалъ:

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокий другъ, меня помишь ты упоеньемъ:

Приди, меня мертвить любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,

Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова низпослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости молодой.

III.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умилнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце распаляшь
 И пихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Спыдливости припворный видъ,
 Движеній помная небрежность
 И шрепешъ устъ и жаръ ланишь?
 Напрасны хитрыя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой опвѣтъ.

Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во шмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обитали презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣшъ, нѣшъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ обѣщаніяхъ усталый;
Но гордый замысль забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предапельскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И златомъ купленный восторгъ!

IV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечшательному міру
Спрямясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняющся видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлешь на челѣ:
Ты правъ, шворишь ты для немногихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,

Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитьъ щастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И швой восторгъ уразумѣлъ
Воспоргомъ пламеннымъ и яснымъ!

1819.

I.

Увы, зачѣмъ она блискаетъ
Минушной, нѣжной красою?
Она примѣшно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Щастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой оспрошою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Справдальца душу услаждать.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ,

Сокрывъ уныніе мое,
Наслушашься рѣчей веселыхъ
И наглядѣшься на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасень для души моей.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молившѣ и трудахъ.
Уже лопашкою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вождѣннѣй
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣпомъ у
 Поникшей хижин
 Анахоретъ молился
 Дубравы дѣлались ч
 Туманъ надъ озеромъ дымился,
 И красный мѣсяцъ въ облакахъ
 Тихонько по небу капился.
 На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;
 Не можешь самъ себя понять...
 И видишь: закипѣли волны,
 И присмирѣли вдругъ опять...
 И вдругъ.....легка, какъ шѣнь ночная,
 Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
 Выходишь женщина нагая,
 И молча сѣла у береговъ.

Глядишь на спараго монаха
И чешешь влажные власы.
Святой монахъ дрожишь со страха,
И смотришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваетъ быстро головой...
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ спарикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись шмою;
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидишь, прелестна и блѣдна.

Глядишь, киваетъ головою,
 Цѣлуешь издали шупя,
 Играешь, плещется волною,
 Хохочешь, плачешь, какъ дитя,
 Зовешь монаха, нѣжно спонешь...
 « Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ!... »
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь :
 И все въ глубокой тишинѣ.

На прешій день опшельникъ спрасшной
 Близъ очарованныхъ бреговъ
 Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А тѣнь ложилась средь дубровъ...
 Заря прогнала тму ночную :
 Монаха не нашли нигдѣ,
 И только бороду сѣдую
 Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

СТАНСЫ Т***МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младоспи глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣняль,
 И на лампаду Эпиктета
 Златый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придѣтъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрасшамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юнощи швоей!

IV.

УЕДИНЕНІЕ.

Привѣствую тебя, пустынный уголокъ,
 Пріюсть спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льется дней моихъ невидимый пошокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья
 На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,
 Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумящъ.

Вездѣ передо мной подвижныя картины:

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,

Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанныя хапы,

На влажныхъ берегахъ бродящія стада,

Овины дымныя и мѣльницы крылаты;

Вездѣ слѣды довольства и труда.

Я здѣсь, отъ суешныхъ оковъ освобожденной,

Учуся въ истинѣ блаженство находить,

Свободною душой законъ богопворить,

Ропшанью не внимать шолпы непросвѣщенной,

Участьемъ отвѣчать заспѣнчивой мольбѣ

И не завидовать судьбѣ

Злодѣя, иль глупца въ величїи неправомъ.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величаю

Слышнѣе вашъ опрадный гласъ;

Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,

Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,

И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

.

.

.

.

V.

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредяшь полямъ опасный хладъ дождей
И въпра позняго осенніе набѣги;
Да въ пору благошворны снѣги
Покроютъ влажный шукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
Посшигни робостью полуночнаго вора
И опъ недружескаго взора
Счастливымъ домикъ охрани!

Ходи вокругъ него заботливый дозоръ,
Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калишкой вѣтхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скакъ холмовъ,
Луга, измятые моею бродящей лѣною,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

VI.

В * * * М У .

Проспи, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестрою,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суею,
Невинной прозою и стихами.

Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
 Увидишь важное бездѣлье,
 Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
 И глупость въ золотыхъ очкахъ,
 И тяжкой знапности веселье,
 И скуку съ картами въ рукахъ.
 Всего минутный наблюдатель,
 Ты посмѣешься подъ рукой;
 Но вскорѣ, вѣрный обожатель
 Забавъ и лѣни золотой,
 Держась моего совѣта
 И волю всей душой любя,
 Оставишь кругъ большого свѣта
 И жить рѣшишься для себя.
 Уже въ пріютѣ отдаленномъ
 Я вижу мысленно тебя:
 Кишишь въ бокалѣ опьенномъ
 Ан холодная струя;
 Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
 Въ халатахъ, новые друзья

Шумяшь и пьешь ; задорный кубокъ
Обходишь ихъ безумный кругъ ,
И мчишься въ радостяхъ досугъ ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Лешають , вьются предъ тобой ;
Я слышу звонкіе наѣвы ,
Спошь нѣги , вопли , дикій вой ;
Ихъ изсупленные движенья ,
Огонь неистовыхъ очей
И все , мой другъ , въ душѣ твоей
Раждаешь прелесть упоенья....
Но вспомни , милый : здѣсь одна ,
Тебя всечасно ожидая ,
Вздыхаешь плѣнница младая ;
Весь день уныла и томна ,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой ,
И смотришь на пустынный домъ ,
Гдѣ мы шакъ часно пировали

Съ Кипридой, Вакхомъ и побой,
Куда съ надеждой и поской
Ея желанья улепали.

О, скоро ль милаго найдушъ

Ея пошупленные взоры,

И предъ любовью упадушъ

Замковъ ревнивые зашворы?

А нашъ осирошмый кругъ,

Товарищъ, скоро ль оживится?

Когда прискачешь, милый другъ?

Душа вослѣдъ тебѣ спремится.

Гдѣ бъ ни былъ ты, возми вѣнокъ

Изъ рукъ младаго сладоспращья,

И докажи, что ты знашокъ

Въ невѣдомой наукѣ счастья.

VII.

К Р И В Ц О В У.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянешь медленно другой;
Мы жъ упршимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,

Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И полною наши тѣни
Къ тихой Лестѣ убѣгутъ;
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель:
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепель
Въ урны праздныя пировъ.

VIII.

N. N.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
 Худый, обришый, но живой:
 Его мучительная лапа
 Не пягошѣеть надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріапа,
 И сонъ, и сладостный покой,
 Какъ прежде, посѣтили снова
 Мой уголь пѣсный и простой.
 Ушѣшь и ты полубольнаго!
 Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
 Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
 Лѣнивый Пинда гражданинъ,
 Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,

Венеры вътрєнный поклонникъ

И наслажденій властелинь!

Отъ суебы столицы празднои,

Отъ хладныхъ прелестей Невы,

Отъ вредной сплешницы молвы,

Отъ скуки, столь разнообразной,

Меня зовушь холмы, луга,

Тѣнисты клены огорода,

Пустынной рѣчки берега

И деревенская свобода.

.
.

IX.

НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль воспоргомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сін небесныя черты?

Ты, геній!... Но любви спраданыя
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье
И гаснешь пламенной душой.

X.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ - варваръ кистью сонной
Картину генія чернишь
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно черпишь.

Но краски чужды, съ лѣтами,
Спадають вѣшхой чешуёй;
Созданье генія предъ нами
Выходишь съ прежней красотой.

Такъ исчезають заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникають въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

1820.

I.

Погасло дневное свѣтило ;

На море синее вечерній палъ шуманъ.

Шуми, шуми, послушное въприло,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.

Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края :
Съ волненьемъ и шоской шуда спремлюся я ,
Воспоминаньемъ упоенный...

И чувствую : въ очахъ родились слезы вновь ;
Душа кипитъ и замираетъ ;

Мечта знакомая вокругъ меня лешаетъ ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь ,

И все, чѣмъ я спрадалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ шомпшельный обманъ...

Шуми, шуми, послушное вътрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но шолько не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ спрасшей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ опцвѣла
Моя поперянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное спраданию предала.
Искашель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, опечески края;
Я васъ бѣжалъ, пишомцы наслажденій,
Минушшой младости минушные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,

Копорымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моея весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное въприло,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

II.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ поступался презрѣнный Еврей.

Съ побою пируютъ (шепнуль онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка швоя.

Я даль ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быспромъ конѣ;
И крошкая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ;
Глаза пошеменили, я весь изнемогъ....

Въ покой опдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣша: булашь загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое шло я долго топшаль,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взираль.

Я помню моленья, пекущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль,
Ошеръ я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ шѣла.

Съ тѣхъ поръ не цалую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ почей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу перзаешь печаль.

III.

Ф О Н Т А Н У

БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фоншанъ любви, фоншанъ живой!

Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.

Люблю немолчный говоръ пвой

И поэтическія слёзы.

Твоя серебряная пыль

Меня кропишь росой хладной:

Ахъ, лейся, лейся, ключь опрадной!

Журчи, журчи свою мнѣ былъ...

Фоншанъ любви, фоншанъ печальной!

И я швой мраморъ вопрошалъ:

Хвалу странъ прочелъ я дальной;

Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!

И здѣсь уже ль забвенно ты?

Или Марія и Зарема

Однѣ счастливѣе мечты?

Иль только сонъ воображенья

Въ пустынной мглѣ нарисовалъ

Свои минувшныя видѣнья,

Души неясный идеалъ?

IV.

В И Н О Г Р А Д Ъ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ миль и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины змачной,
Оспрада осени змачой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

V.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь своихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живешь
И нѣжно пѣсни ей поешь
Во мракъ ночи сладострасшной.

VI.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣришь.
Нѣтъ, милая моя не можешь лицемѣришь;
Все неприхворно въ ней: желаній помный жаръ,
Спыдливость робкая, харишь безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

VII.

Рѣдѣеть облаковъ лешучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твоей слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню твоей восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумящъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

VIII.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренняя зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Скрытый межъ деревь, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

IX.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравяшся и локоны златыя
И блѣдное лице и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пирь ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгарались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

X.

Ч * * * Ву.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

Ч * * *, помнишь ли бывое ?

Давно ль съ воспоргомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое

Предать развалинамъ инымъ ?

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лѣнь и пишина,

И, въ умиленьи вдохновенномъ,

На камнѣ, дружбой освященномъ,

Пишу я наши имена.

XI.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ и не былъ чуждъ веселью!

Таковъ былъ : сумрачный , ужасный до конца.
Но ты , прекрасная , ты бурный вѣкъ опца
Смиреной жизнию предъ небомъ искупила :
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она , какъ сладкій ѳиміамъ ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

1821.

I.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И радости моей мятежное печенье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пуškai я радости вкушаю невольнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, лешучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцалуевъ сладострасья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и спрасней
Незанимательную повѣсть?

Она твоей тихой умъ невольно возмутишь;
Ты слезы будешь лишь, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность уловишь,
И ты моей любви, быть можешь, ужаснешься.
Быть можешь, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишишься я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я..

II.

В О Й Н А.

Война!... Подьяпы наконецъ,
Шумящъ знамена бранной чести!

Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищеть вокругъ меня губительный свинець.

И сколько сильныхъ впечатлѣній

Для жаждущей души моей:

Спремленье бурныхъ ополченій,

Тревоги сшана, звукъ мечей,

И въ роковомъ огнѣ сраженій

Паденье ратныхъ и вождей!

Предметы гордыхъ пѣснопѣій

Разбудящъ мой уснувшій геній.

Все ново будетъ мнѣ: просная сѣнь шатра,

Огни враговъ, ихъ чуждое зыванье,

Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра

И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,

Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?

Вѣнокъ ли мнѣ двойной доспается на часть,

Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,

И все умреть со мной: надежды юныхъ дней,

Священный сердца жаръ, къ высокому спремленье,

Воспоминаніе и брата и друзей,

И мыслей творческихъ напрасное волненье,

И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,

Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,

Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я шаю, жертва злой осправы:

Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власи надъ собой,

И тягостная лѣнь душою овладѣла...

Что жъ медлитъ ужась боевой?

Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

III.

Я пережишь свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни спраданы,
Плоды сердечной пустошы.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣпкѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

IV.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
 Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
 Но если юноши, внимая молча мнѣ,
 Дивились долгому любви моей мученью;
 Но если ты сама, предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердила въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любила страстной;
 Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
 Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
 Завѣшнымъ именемъ любовницы прекрасной.
 Когда меня навѣкъ обыметь смертный сонъ;
 Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
 Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
 И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

V.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

..... Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
 Кругомъ него глубокий сонъ
 И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ тѣни деревь
 Онѣ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой,

Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 « И мы любили хороводы,
 Блиспали также въ насъ умы;
 Но погоди, приспѣють годы,
 И будешь то, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра гость игривый,
 Тебѣ посшынешъ бѣлый свѣтъ;
 Теперь играй... » Но старцы живы,
 А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
 Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
 Одна, бытъ можетъ, слезы льетъ,
 И память радостей почившихъ
 Привычной думою зоветъ...
 Къ чему?

Надъ ясными водами
 Гробницы мирною семьёй
 Подъ наклоненными крестами
 Таятся въ рощѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумитъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
 И вокругъ безчувственной гробницы
 Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
 Напрасно упромъ за малиной
 Къ ручью красавица съ корзиной
 Идетъ и въ холодъ ключевой
 Пугливо ногу опускаетъ:
 Ничто его не вызываетъ
 Изъ мирной сѣни гробовой.

VI.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
 Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
 Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
 Твой безоправданный плачь мѣста сіи прославилъ:
 И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
 Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
 Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
 Пустыню мрачную, поэша започенье,
 Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
 И крапкой теплотой согрѣтые луга.
 Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнь игрою,
 Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за шобою:
 Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
 И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,

Гдѣ ждешь пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны,
 За Испромъ ушаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
 И по льду звучному безпрепешно' идутъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рапной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождаѣ безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не уладятъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,

Ни пѣсни робкія Окшавія не пронуть;
 Дни старости твоей въ забвеніи погнущь.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ опчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
 « О , возвратите мнѣ священный градъ опцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несице!
 Карающую длань слезами опклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не выдастъ тебѣ, великій Римъ;
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной! »
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтешь безъ умиленья
 Сии элегіи, послѣднія творенья,
 Гдѣ пы свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣшомъ и собой и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣпшилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ пы нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя каршины повѣрлялъ;
 Но взоръ обманушимъ мечпаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло впайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшится небесная лазурь;
 Здѣсь крашко царствуешь жестокоспѣ зимнихъ бурь.
 На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградь блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
 Слоями разспилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала шамъ: а съ вешней теплошою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною;
 Младою зеленою песпрѣлъ увядшій лугъ;

Свободныя поля взрываль ужь ранній плугъ;
 Чуть вѣяль вѣперокъ, подь вечерь холодѣя;
 Едва прозрачный ледь, надь озеромъ тускнѣя,
 Кристалломъ покрываль недвижныя спруки.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые швои,
 Сей день, замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ вѣтряль съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила пѣнь швоя, и жалобныя звуки
 Неслися издали, какъ томный спонъ разлуки.
 Упѣшься: не увяль Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы заперянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
 И, жертва темная, умреть мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минушною молвой!...
 Но если, обо мнѣ потомокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ справахъ сей опдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
 Бреговъ забвенія оставя хладну стѣнь,

Къ нему слепить моя признапельная пѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранился же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скипался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

VII.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился :
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закашлся
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ :
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памяшью кровавой
 Мірь долго, долго будешъ полнь;
 Пріосъненъ швоею славой,
 Почій среди пусшынныхъ волнь!
 Великолѣпная могила....
 Надъ урной, гдѣ швой прахъ лежишь,
 Народовъ ненависть почила,
 И лучъ безсмертія горишь.

Давно ль орлы швои лешали
 Надъ обезславленной землѣй?
 Давно ли царства упадали
 При громахъ силы роковой?
 Послушны волѣ своевравной,
 Бѣдой шумѣли знамена,
 И налагаль яремъ державной
 Ты на земныя племена.

.
.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты вель мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

.
.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
 Кто обуялъ швой дивный умъ?
 Какъ сердца Рускихъ не поспигнулъ
 Ты съ высоты отважныхъ думъ?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
 Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно Рускихъ разгадавъ...

Россія, бранная царица,
 Воспомни древнія права!

.

Пылай, великая Москва!

Настали времена другія;

Исчезни, крапкій нашъ позоръ!

Благослови Москву, Россія!

Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видитъ предъ очами,
 Онъ гибнешь, гибнешь наконецъ.
 Бѣжасть Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И шаешь съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
 Европа свой распоргла плѣнь;
 Вослѣдъ пирану полетѣло,
 Какъ громъ, проклятіе племенъ.
 И длань народной Немезиды
 Подъяшу видитъ великанъ:
 И до послѣдней всѣ обиды
 Ошпачены шебѣ, пиранъ!

Изкуплены его спяжанья
И зло воинственных чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ започенья
Полнощный парусъ посѣишьъ,
И пушникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начерпишьъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, попомство, шронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныныи горькомъ думалъ онъ.

Да будешь омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмушилъ укоромъ
Его развѣчанную шѣнь!
Хвала!... Онъ Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

VIII.

М У З А.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семиспвольную цѣвницу мнѣ вручила;
 Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пустаго просника
 Уже наигрываль я слабыми перспами
 И гимны важные, внушенные богами,
 И пѣсни мирныя Фригійскихъ паспуховъ.
 Съ упра до вечера въ нѣмой пѣни дубовъ
 Прилѣжно я внималь урокамъ дѣвы шайной;
 И, радуя меня наградою случайной,
 Ошкинувъ локоны опъ милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тросникъ былъ оживлень божественнымъ дыханьемъ
 И сердце наполняль свяшымъ очарованьемъ.

IX.

Д І О Н Е Я.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ пошупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице твое хранишь.

X.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ: спрашися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаешь близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленные молюбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

XI.

П Р И М Ъ Т Ы.

Спарайся наблюдать различныя примѣты.
Паспухъ и земледѣль въ младенческія лѣпы,
Взглянувъ на небеса, на западную шѣнь,
Умѣють ужъ предрѣчь и вѣспрь, и ясный день,
И майскіе дожди, молодыхъ полей опраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ шихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличуть швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны шучи,
Знай, завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремолу.

XII.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и шихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Забошъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
Когда же волны по брегамъ
Ревущъ, кипятъ и пѣной плещущъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракъ блещущъ;

Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жало мнѣ рыбака суровый:
Живетъ на ушломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

XIII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играешь локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

XIV.

А Л Е К С Ѣ В У.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты :
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты ;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже невластны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.

Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
 Вдыхать неловко и смѣшно,
 Надеждъ вѣришь безразсудно,
 Мужей обманывать грѣшно.

Прошелъ веселой жизни праздникъ.
 Какъ мой задумчивый проказникъ,
 Какъ Барашинскій я твержу:

« Нельзя ль найти подруги нѣжной?

« Нельзя ль найти любви надежной? »

И ничего не нахожу.

Оставя счастья призракъ ложный,
 Безъ упоительныхъ спрасей,
 Я спалъ наперсникъ оспорожный
 Моихъ неопытныхъ друзей.

Когда любовникъ испуганной,

Тоскуя, плачетъ предо мной,

И для красавицы надменной

Клянется жертвовать собой;

Когда въ жару своихъ желаній

Съ воспоргомъ изъясняетъ онъ

Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянеть ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминушнымъ повпореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

XV.

К * * * НУ.

Кто мнѣ пришлеть ея портретъ,
 Черты волшебницы прекрасной?
 Таланшовъ обожашель спрасшной,
 Я прежде былъ ея поэтъ.
 Съ досады, можешъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму кадилъ
 Красавица блискала славой,
 Я свистомъ гимны заглушилъ.
 Погибни злобы мигъ единой,
 Погибни лиры ложный звукъ:
 Она виновна, милый другъ,
 Предъ Селименой и Моинной.

Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поносить;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приносить.

XVI.

Ч * * * В у.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдь,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недостаетъ душѣ моей успалой.
 Врагу спѣснительныхъ условій и оковъ,
 Непрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блещишь, тогда, какъ сердце дремлетъ
 И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
 Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
 Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
 Враговъ моихъ предавъ проклятію забвенья,

И, съши розорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю пишину.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій прудъ и жажду размысленій.
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружень умъ;
 Учусь удерживашъ вниманье долгихъ думъ;
 Ищу вознаградить въ обѣщаніяхъ свободы
 Мягкою младостью упрямые годы
 И въ просвѣщеніи спать съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись;
 Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
 Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
 Пою мои мечты, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системы,
 Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И Царскосельскія хранищельныя сѣни.

Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
 Ничто не замѣнишь единственнаго друга.
 Ты былъ цѣлищемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвящилъ
 И крапкѣй вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можешь быть, спасенныя побою!
 Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ попомъ въ волненіи спрасстей
 Я шайно изнывалъ, спрадалецъ упомленной;
 Въ минушу гибели надъ бездною попаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая спрогимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣшомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я презирашь, умѣя ненавидѣть.

Мнѣ ль было сѣшовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепешаньи дамъ, зомловъ и глупцовъ,
 И сплешней разбирашь игривую зашѣю,
 Когда гордишься могъ я дружбою твоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раннія мою тѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесь я не помилъ молишвою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
 И вътреной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминавъ бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мерпвцовъ живые разговоры;

Поспоримъ , перечтемъ , посудимъ , побранимъ ,
И счастливь буду я : но только ради Бога
Гони ты *** отъ нашего порога.

XVII.

КЪ * * *

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою пишашъ,
И неизбѣжную разлуку
Въ уныныи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пусыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Пошарянныхъ побою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

ІОСИФЪ АБРАМОВИЧЪ

И И С Д И И

1822.

I.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Ошмспитъ неразумнымъ Хозарамъ :
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣшовъ грядущаго вѣспникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Ошкрой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возмешь ты коня.

« Волхвы не бояшся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таяшся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣшломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воипелю слава ошрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щипъ на врапахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валь
 Въ часы роковой непогоды,
 И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
 Щадящъ побѣдителя годы . . .
 Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
 Незримый хранишель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
 Онъ, чуя господскую волю,
 То смиренный спюишь подъ стрѣлами враговъ,
 То мчишься по бранному полю,
 И холодъ и сѣча ему ничего:
 Но примешь ты смерть ошь коня своего.»

Олеѣ усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачили думой.
 Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладить и шеплеть по шеѣ крутой.

« Прощай, мой товарищъ мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:

Теперь отдыхай; ужъ не спунишь нога
Въ швое позлащенное стремя.

Прощай, утѣшайся, да помни меня.

Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнашымъ ковромъ;

Въ мой лугъ подъ ушцы отведите;

Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;

Водой ключевою поите. »

И отроки потчасъ съ конемъ отошли,

А князю другаго коня подвели.

Пируеть съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ весломъ спакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ упреній снѣгъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминають минувшіе дни

И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

« А гдѣ мой товарищъ , промолвилъ Олегъ ,
 Скажите , гдѣ конь мой решивый ?
 Здоровъ ли ? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ ?
 Все шомъ же ль онъ бурный , игривый ? »
 И внимлюшъ отвѣшу : на холмѣ крупомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ .

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ : « что же гаданье ?
 Кудесникъ , ты лживый , безумный старикъ !
 Презрѣшь бы швое предсказанье !
 Мой конь и донынѣ носилъ бы меня . »
 И хочешъ увидѣшь онъ кости коня .

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора ,
 Съ нимъ Игорь и старые госпи ,
 И видяшъ : на холмѣ , у берега Днѣпра ,
 Лежатъ благородныя кости ;
 Ихъ моютъ дожди , засыпаютъ ихъ пыль ,
 вѣтеръ волнуешъ надъ ними ковыль .

Князь пихо на черепъ коня наступилъ

И молвилъ : « спи , другъ одинокой !
Твой спарый хозяинъ тебя пережилъ :

На признѣ , уже недалёкой ,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вошь , гдѣ шайлась погибель моя !

Мнѣ смертію кось угрожала ! »
Изъ мершвой главы гробовая змія
Шипя между тѣмъ выползала ;
Какъ черная ленша вкругъ ногъ обвилась :
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь .

Ковши круговые зашѣлись шипящъ

На признѣ плачевной Олега :
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сядящъ ;
Дружина пируетъ у берега ;
Бойцы поминающъ минувшіе дни
И битвы , гдѣ вмѣстѣ рубились они .

II.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,

Не знай печали.

Хариты, Лель

Тебя вѣнчали

И колыбель

Твою качали.

Твоя весна

Тиха, ясна :

Для наслажденья

Ты рождена.

Часъ упоенья
Лови, лови!
Младья лѣша
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣша
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

III.

Д Р У З Ъ Я М Ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свѣже осыня,
Когда вы, други, оплечили
Почетной чашею меня.

Честнолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суешной работою,
Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду Скнѣскую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и дуемою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна :

И скорбь исчезла предо мной,

Какъ исчезаешь въ чашахъ пѣна

Подъ зашипѣвшею струей.

IV.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспаменяшь
Воображеніе поэшовъ,
Его шревожишь и плѣняшь
Любезной живостью привѣшовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И эшой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Лислы
Въ мечтахъ небесныхъ рисоваль
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь на тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?

Быть можешь, въ дальней споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя спрадалецъ вдохновенной
Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можешь, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепеть возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревливой
Пишешь я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію помимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

V.

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столпомъ неровнымъ оспразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснуль, и все кругомъ почило;
Но вопль по темной глубинѣ
Стремится бѣлое въприло,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Лешить испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракъ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
 Одинъ , смиренный жишель волнь,
 Гребешъ и къ югу править челнъ;
 Другой, какъ волхвомъ пораженный,
 Стоишь недвижимъ; на берега
 Глаза вперивъ, не молвишь слова,
 И черезъ челнъ его нога
 Перешагнушь уже гошова.
 Плывущъ....

« Причаливай, старикъ!

Къ утесу правь » — и въ волны вмигъ
 Прыгнулъ пловецъ неперпѣливой
 И береговъ уже доспигъ.
 Межъ тѣмъ, рукой непоропливой
 Другой въприло опустивъ,
 Свой челнъ къ утесу пригоняешь,
 Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
 Узломъ надежнымъ укрѣпляешь,
 И входишь медленной спопой

На берегъ дикой и крупной.
Кремень звучишь, и пламя вскорѣ
Далеко освѣщило море.
Суровый край! Громады скаль
На берегу стояшь угрюмомъ;
Объ нихъ мясежный бѣсся валь
И пѣна плещеть; сосны съ шумомъ
Качающъ спарыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни правы,
Песокъ да мохъ; скалы, спремнины,
Вездѣ храняшь клеймо громовъ
И слѣдъ попоковъ истощенныхъ,
И плѣющъ кости — пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню забливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долголѣтной муки,
Согбенны кости, тощій ликъ,
На космъ время углубляло

Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь — все являло
 Въ немъ дикость, нужду и шруды.
 Но кто же пошь? Блистаешь младость
 Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но, мнился, радость
 Его не знала съ дѣшскихъ лѣтъ;
 Въ глазахъ пошупленныхъ кручина;
 На немъ одежда Славянина
 И на бедрѣ Славянскій мечъ.
 Славянь вошь очи голубыя,
 Вошь ихъ и волосы злапыя,
 Волнами падшіе до плечь. — — —
 Космашымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живишельнымъ согрѣтый,
 Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидишь съ нахмуреннымъ челомъ....
 Проходитъ ночь, огонь погасъ,

Осхлы и пепель; водъ пучина
 Былѣшь; близокъ утра часъ;
 Нисходитъ сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
 По сушѣ, по морю носился,
 Во дни былые, дни войны,
 На западѣ, на югѣ бился,
 Дѣля добычу и труды
 Съ суровымъ племенемъ Одена,
 И передъ нимъ враговъ ряды
 Бѣжали, какъ морская пѣна
 Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
 Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
 И арфамъ Скальдовъ испущенныхъ,
 Въ жилищѣ сильныхъ пироваль
 И очи дѣвъ иноплеменныхъ
 Красою чуждой привлекаль.
 Но сладкій сонъ не переноситъ
 Теперь героя въ край чужой,

Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косить;
Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
Кириаландіи печальной,
Ни Албіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ стѣчъ и славы дальной;
Ему не снился шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое коспровъ,
И трубный звукъ, и лай ловишвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина;
Онъ узнаешь ея щипы,
Онъ снова проспираешь руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ.....

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣперка,
Его шихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣшная рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ,
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вопъ пучина надъ челномъ
Кипитъ, подымлется, клочечетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ прещитъ и — пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское,
И пробудясь, прещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ: брега въ покоѣ,

На полусвѣшлый небосклонъ
Восходишь утро золотое;
Съ деревь, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы
И разсвѣло....

VI.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта :
Она Державинымъ воспѣта
И славой Рускою полна.
Еще донынѣ пѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ ;
Она лепитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона ,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крушаго :
Но , другъ , обнятъ милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

VII.

Е М У Ж Е.

Я жду обѣщанной шепради:

Что жъ медлишь, милый шрубадуръ!

Пришли ее мнѣ Феба ради,

И награди тебя Амуръ.

VIII.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайныя цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни, легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Лешы,
Слепаются на брегъ земной,
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждешь на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...

Но, можешь быть, мечты пустыя —
Быть можешь, съ ризой гробовой
Вся чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будешь міръ земной;
Быть можешь, памь, гдѣ все блистаетъ
Неплѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минушнихъ жизни впечатлѣній
Не сохранишь душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я. . .

1823.

I.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даришь надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,

Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводишь ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мерзвипъ, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставъ меня съ шобой,
 Зачѣмъ тебя привѣществуешь лукаво?...
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣешь онъ блѣднѣть и ревновать?...
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣша,
 Безъ матери, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?...
 Но я любимъ.... Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!

Тебѣ смѣшны мученія мои;

Но я любимъ, себя я понимаю.

Мой милый другъ, не мучь меня, молю:

Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,

Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

II.

Ненаспный день пошухъ; ненаспной ночи мгла
По небу спелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой

Луна шуманная взошла...

Все мрачную тоску на душу миѣ наводишь.
Далеко, шамъ, луна въ сіяніи восходишь;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней шеплошой;
Тамъ море движется роскошной пеленой

Подъ голубыми небесами...

Вошь время: по горѣ шеперь идетъ она
Къ брегамъ, пошопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидишь печальна и одна...

Одна... никто предъ ней не плачетъ, не поскуесть;

Никто ея колѣнь въ забвеньи не цалуесть;

Одна.. ничьимъ устамъ она не предаетъ

Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

• • • • •

• • • • •

• • • • •

Никто ея любви небесной не достоинъ.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;

• • • • •

Но если • • • • •

III.

Д Е М О Н Ъ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья —
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи :
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспощимый клеветною,
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хотѣлъ.

IV.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подь чась въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, съдое время,
Везеть, не слезеть съ облучка.

Сь упра садимся мы въ шелегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ : пошоль !.....

Но въ полдень нѣтъ ужъ той опваги;
Поразтрясло насъ; намъ спрашнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Кашишь попрежнему шелега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночега,
А время гонишь лошадей.

V.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и шомной
Тревожишь позднее молчанье ночи тёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горишь; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.

1824.

I.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сѣдаешь;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустишь. О, я знапокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ твоей чипали.
Любви не ушаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуешь васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?

Ты втайнѣ ждешь его. Идешь, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными лешая,
Никто изъ юношей свободный и смѣлый
Не властвуешь конемъ по прихоти своей.

II.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещуть волны Флегетона,

Своды шаршара дрожатъ :

Кони блѣднаго Плутона

Быспро къ нимфамъ Пеліона

Изъ аида бога мчатъ.

Вдоль пустыннаго залива

Прозерпина вслѣдъ за нимъ,

Равнодушна и ревнива,

Потекла лушемъ однимъ.

Предъ богинею колѣна

Робко юноша склонилъ.

И богинямъ льстипъ измѣна :

Прозерпинѣ смертный милъ.

Ада гордая царица
 Взоромъ юношу зовешь,
 Обняла, и колесница
 Ужь къ аиду ихъ несетъ:
 Мчатся, облакомъ одѣшы;
 Видяшь вѣчные луга,
 Элизей и томной Лешы
 Усыпленные брега.
 Тамъ безсмертье, шамъ забвенье,
 Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
 Прозерпина въ упоеньѣ,
 Безъ порфиры и вѣнца,
 Повинуется желаньямъ,
 Предаетъ его лобзаньямъ
 Сокровенныя красы,
 Въ сладострастной нѣгѣ спонетъ
 И молчитъ и томно спонетъ...
 Но бѣгутъ любви часы;
 Плещутъ волны Флегетона,
 Своды таршара дрожатъ:

Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливица за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною пропой;
И счастливецъ опшираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣннй ложный рой.

III.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты капишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣль желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и шуманный,
Завѣшнымъ умысломъ помимъ!

Какъ я любилъ твои отзвuky,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользишь отважно средь зыбей:
Но ты выигралъ, неодолимый;
И слая понесъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей спрасъю очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасаль Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой опъ насъ умчался геній,
Другой власпишель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твоей пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукрошимъ.

Мірѣ опустѣлъ

.

.

.

Прощай же, море! Не забуду
 Твоей торжественной красы,
 И долго, долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнь,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и шѣнь, и говоръ волнь.

IV.

КОВАРНСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Ошвѣстивуешь язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ ошь руки твоей,
Какъ ошь змѣи, ошдернешъ съ содроганьемъ;
Какъ, на себя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: « онъ боленъ, онъ дыша,
Онъ мучишся безумною тоскою; »
Не говори: « неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкой сонъ. » ...
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?

Ахъ, если шакъ, онъ въ прахъ готовъ упасъ,
 Чшобъ вымолишь у друга примиренье.
 Но если ты свяшую дружбы власть
 Упопрелялъ на злобное гоненье;
 Но если ты зашѣйливо язвилъ
 Пугливое его воображенье,
 И гордую забаву находилъ
 Въ его шоскъ, рыданьяхъ, униженьѣ;
 Но если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
 Но если цѣпь ему накинулъ ты
 И соннаго врагу предаль со смѣхомъ,
 И онъ прочель въ нѣмой душѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
 Тогда сшупай, не шрашь пустыхъ рѣчей—
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

V.

Д * * * у.

Нельзя, мой толстый Ариспипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабышь,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный овецъ
Немного щощей Эпиды
Пускался въ море наконецъ;
Ему Горацій, умный льстецъ,

Прислалъ торжественную оду;
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

VI.

Ночной зефиръ
Спруитъ эфиръ.
Шумитъ ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна злая ,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струишь эфиръ.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивиръ.

Скинъ маншилью, ангель милый,
И явись какъ яркой день!
Сквозь чугуныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струишь эфиръ.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивиръ.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ ¹.

ПОСВЯЩЕНО П. А. О.

I.

Клянусь чешой и нечешой,
Клянусь мечемъ и правой башкой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молишвой ²:

Нынь, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ опъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Спезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей швари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Опъ всѣхъ вы женъ опличены:
Страшна для васъ и шѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью пишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и спыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узришь вашего лица.

А вы, о госпи Магомета,
Спекаясь къ вечера его,
Брегитесь суешами свѣта
Смушите пророка моего.
Въ пареньи думъ благочесливыхъ,
Не любите онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ 3.

III.

Смушаясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенъ 4;
Бѣжишь, да не дерзнешъ порокъ
Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для спроптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждай нечеспивыхъ!

Почто жъ кичишся человѣкъ?

За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,

Что дышишь онъ недолгій вѣкъ,

Что слабъ умреть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвишь

И воскресишь его по волѣ?

Что съ неба дни его хранишь

И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды

И хлѣбъ и финикъ и оливу,

Благословивъ его труды

И верпоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель воспрубишь ;
На землю громъ небесный грянешь :
И брагъ отъ браша побѣжишь ,
И сынъ отъ матери отпрянешь .

И всѣ предъ Бога пришекушь ,
Обезображенные страхомъ :
И нечестивые падушъ ,
Покрышы пламенемъ и прахомъ .

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій соспязашся мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертию землю наказую,
На все подъяша длань моя.
Я шакже, рекъ онъ, жизнь дарую,
И шакже смертию наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Ошъ слова гнѣва Твоего:
Подъемаю солнце я съ востока;
Съ закаша подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падушъ на сушь и воды
И не подавяшъ насъ собой 5.

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молишесь; Онъ могучій:
Онъ править вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаеть тучи;
Даепъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомешу
Открылъ сіяющій коранъ,
Да припечемъ и мы ко свѣту,
И да падеть съ очей шуманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обришыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣши пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошонули въ наслажденьи,
Неоправляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый :

Въ пещерьъ твоей

Святая лампада

До утра горишь.

Сердечной молитвой,

Пророкъ, удали

Печальныя мысли,

Лукавыя сны!

До утра молитву

Смиренно твори;

Небесную книгу

До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищепою,
 Не сыпь своихъ даровъ расчешливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесамъ.
 Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
 О сѣятель благополучной,
 Спорицею воздасть она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ спяжанья,
 Вручая нищему скупое подаенье,
 Сжимаешь ты свою зависливую длань;
 Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что съ камня моешь дождь обильной,
 Исчезнуть, Господомъ отверженная дань.

IX.

И пушникъ успалый на Бога ропсаль :
Онъ жаждой томился и пѣни алкалъ.
Въ пустынь блуждая при дня и при ночи ,
И зноемъ и пылью стягчимыя очи
Съ шоской безнадежной водиль онъ вокругъ ,
И кладязь подъ пальмою видить онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы ,
И легъ , и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы :
И многіе годы надъ нимъ прошекли
По волю Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для пупника часъ ;
 Вспаешъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ :
 « Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко ? »
 И онъ ошвѣчаетъ : ужъ солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера ;
 Съ ушра я глубоко проспалъ до ушра .

Но голосъ : « о пупникъ , ты долѣ спалъ ;
 Взгляни : легъ ты молодъ , а старцемъ возсталъ ;
 Ужъ пальма исплѣла , а кладязь холодной ,
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной ,
 Давно занесенный песками степей ;
 И кости бѣлѣютъ ослицы твоей . »

И горемъ обьятый мгновенный старикъ ,
 Рыдая , дрожащей главою поникъ
 И чудо въ пустынь тогда совершилось :
 Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
 Вновь зыблется пальма шѣнистой главой ;
 Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой .

И вѣхія кости ослицы встають ,
И шѣломъ одѣлись , и ревъ издають ;
И чувствуетъ пушникъ и силу и радость ;
Въ крови заиграла воскресшая младость ;
Святые воспорги наполнили грудь :
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ пушь .

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. « Нечеспивые , пишеть Магометъ (глава *Награды*) , думаютъ , что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень . » Мнѣніе сихъ *нетестивыхъ* конечно справедливо ; но , не смотря на сіе , многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ . Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній . Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени , а о Магометѣ упоминается только во второмъ , или третьемъ лицѣ .
2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ , плодами смоковницы , свободою Мекки , добродѣтелию и порокомъ , ангелами и человекомъ и проч . Спранный сей репорическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно .
3. « Мой пророкъ , прибавляетъ Алла , вамъ этого не скажетъ , ибо онъ весьма учтивъ и скромень ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться . » и проч . Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ .
4. Изъ книги *Слѣпецъ* .
5. Плохая физика ; но за то какая смѣлая поэзія !

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

		Спран.
1815.	I. Къ Лицинію. <i>Сб Латинскаго</i>	7.
	II. Гробъ Анакреона	11.
1816.	I. Пробужденіе.....	17.
	II. Друзьямъ	19.
	III. Пѣвецъ	20.
	IV. Амуръ и Гименей.....	22.
	V. Ш * * * ву.....	26.
1817.	I. Торжествъ Вакха	31.
	II. Разлука	36.
	III. П * * * ну. <i>Отрывокъ</i>	38.
	IV. Дельвигу	40.
1818.	I. Мечтапелю.....	45.
	II. Выздоровленіе	47.
	III. Прелестницѣ.....	49.
	IV. Жуковскому. <i>На изданіе книжекъ его:</i> <i>Для нелиногихъ</i>	51.
1819.	I. (Увы, зачѣмъ она блиспаепъ).....	55.
	II. Русалка.	57.
	III. Спансы Т * * * му.....	61.
	IV. Уединеніе.....	64.
	V. Домовому.....	67.
	VI. В * * * му.....	69.
	VII. Кривцову.....	73.
	VIII. N. N.....	75.
	IX. Недокончанная карпина.....	77.
	X. Возрожденіе.....	78.

1820.	I. (Погасло дневное свѣпило). <i>Подражаніе Байрону</i>	83.
	II. Черная шаль. <i>Молдавская пѣсня</i>	86.
	III. Фоншану Бахчисарайскаго дворца....	89.
	IV. Виноградъ.....	91.
	V. (О дѣва-роза). <i>Подражаніе Турецкой пѣснѣ</i>	92.
	VI. Доридѣ.....	93.
	VII. (Рѣдѣшъ облаковъ лепучая гряда)....	94.
	VIII. Нереида.....	95.
	IX. Дорида.....	96.
	X. Ч * * * ву. <i>Съ морскаго берега Тавриды</i>	97.
	XI. Дочери Карагеоргія.....	99.
1821.	I. (Мой другъ, забышы мной слѣды).....	103.
	II. Война.....	105.
	III. (Я пережилъ свои желанья).....	107.
	IV. (Умолкну скоро я).....	108.
	V. Гробъ юноши.....	109.
	VI. Къ Овидію.....	112.
	VII. Наполеонъ.....	118.
	VIII. Муза.....	125.
	IX. Діонея.....	126.
	X. Дѣва.....	127.
	XI. Примѣшы.....	128.
	XII. Земля и море. <i>Идиллія Мосха</i>	129.
	XIII. Красавица передъ зеркаломъ.....	131.
	XIV. Алексѣву.....	132.
	XV. К * * * ну.....	135.

Спран.

- XVI. Ч * * * ву 137.
- XVII. Къ * * * 142.
1822. I. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ 145.
- II. Адели. 151.
- III. Друзьямъ 153.
- IV. Гречанкѣ 156.
- V. (Сводъ неба мракомъ обложился) ... 158.
- VI. Барапынскому изъ Бессарабіи. 166.
- VII. Ему же. 167.
- VIII. (Люблю вашъ сумракъ). 168.
1823. I. (Проспишь ли мнѣ ревнивыя мечпы) 173.
- II. Ненаспный день попухъ. 176.
- III. Демонъ. 178.
- IV. Телега жизни 180.
- V. Ночь 182.
1824. I. (Ты вянешь и молчишь). *Подражаніе*
А. Шенье. 185.
- II. Прозерпина. 187.
- III. Къ морю. 190.
- IV. Коварность 196.
- V. Д * * * у. *На приглашеніе ѣхать съ*
ниль морель на полуденный берегъ
Крыла. 198.
- IV. (Ночной зефиръ). *Испанскій романсъ*. 200.

Подражанія Корану.

- I. (Клянусь чешой и нечешой) 203.
- II. (О жены чиспыя пророка). 205.
- III. (Смушась, нахмурился пророкъ). 207.

Спран.

- IV. (Съ Тобою древле, о Всесильный)..210.
 V. (Земля недвижна).....211.
 VI. (Недаромъ вы приснились мнѣ).....213.
 VII. (Возстанъ, боязливый).....215.
 VIII. (Торгуя совѣстью).....216.
 IX. (И путникъ усталый).....217.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Ч. 2.

Вторая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

Съ дозволенія Правительства.

1825.

I.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait....

Межь тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаешь,

Зовешь меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
 Пѣвцу возвышенной мечты
 Звучишь незнаемая лира.
 Пою. Мнѣ внимлеть онъ и ты.

Подъялась вновь успалая сѣкира
 И жертву новую зоветь.
 Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира
 Въ послѣднѣй разъ ему поеть ¹.

Заутра казнь, привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поеть? Поеть она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обреченъ. Послѣдніе часы
 Влечу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подымешъ за волосы

Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будетъ почивашъ въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье;

Исполните мое послѣднее желанье:

Оплачьте, милые, мой жребій въ пишинѣ;
 Спрашишесь возбудить слезами подозрѣнье;
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
 О братъ сожалѣшь не смѣешь нынѣ братъ.
 Еще жъ одна мольба: вы слушали спокрашъ
 Спихи, лепучихъ думъ небрежныхъ созданья,
 Разнообразныя, завѣшныя преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечты,

И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля, у Фанни 2,
 Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
 Сберите. Строгій свѣшь, надменная молва
 Не будушь вѣдашь ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падешъ: мой незрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
 Я скоро весь умру. Но, пѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ; шолпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда чиняшь мой свипокъ вѣрной,
 И, долго слушая, скажите: это онъ;
 Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упыюсь... и, можетъ быть, утѣшенъ буду я
 Любовью; можетъ быть, и *Узница* моя 3,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая... »

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, шоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ помны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни шѣнь,
 Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ, Вакхической тревогой утомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспаясь,

Я ушромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала:
 Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
 Зачѣмъ опъ жизни сей, лѣнливой и простой,
 Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой,
 Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
 И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Чпо дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и пишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
 Мнѣ ль было управлять спрошпивыми конями
 И крушо напрягать безсильныя бразды?
 И что жъ оставляю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пуспой...

Когдѣ

Вѣнча

Ты

И

А

1877!

Зовушь... Постой, постой; день только, день одинъ:

И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,

И живъ великій гражданинъ

Среди великаго народа 5.

Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждешь плачь.

Но дружба смертный путь поэта очаруетъ 6.

Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуешь 7...

Плачь, муза, плачь!...

II.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви.
 Готовъ я; ничему душа моя не внимлешь.
 Ужь пламя жадное листы твои приѣмлешь...
 Минуту!.. вспыхнули... пылають... легкій дымъ
 Віась перьяется съ моленіемъ моимъ.
 Ужь перстни вѣрнаго утрапя впечатлѣнье;
 Растопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнье!
 Свершилось! Темные свернулися листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣщанія черны
 Бѣлѣють... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
 Оспрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

III.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ побой коленнопреклоненный,
 Я на себя глядѣль и думаль: ты моя;
 Ты знаешь, милая, желаль ли славы я;
 Ты знаешь: удалень отъ вѣпреннаго свѣта,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальному упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы превозжитъ приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ помышельные взоры
 И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?

Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я спѣшенное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Спою,
 Какъ пугникъ, молніей поспигнутый въ пустынѣ,
 И все передо мной зашмилося! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
 Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ ты мною
 Окружена была, чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во тмѣ ночной, въ минушу разлученья.

IV.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
Да здравствують нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣ спаканъ наливайте!

На звонкое дно
Въ густое вино
Завѣшныя кольца бросайте!

Подымемъ спаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эша лампада блѣднѣешь

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь

Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

V.

Если жизнь тебя обманешъ;
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанешъ.

Сердце въ будущемъ живешъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

VI.

С А Ф О.

Счастливый юноша, ты всёъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

VII.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ тобой
 Во мглахъ сокрылся міръ земной,
 Мгновенно твой проснулся геній,
 На все минувшее возрѣлъ,
 И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
 Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
 Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
 Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ :
Ты въ немъ и видишь , и летаешь ,
И вновь живешь , и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ .

А я , коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль оспрады ,
Я не хочу другой награды :
Недаромъ темною спезей
Я проходилъ пустыню міра ,
О нѣтъ , не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой !

VIII.

КЪ * * *

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Какъ мимолетное видѣнье,

Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,

Въ тревогахъ шумной суеты,

Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной

И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черпы.

Въ глуши, во мракѣ започенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вновь опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

IX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я завоспряю,
Лешучей рифмой оперю,
Взложу на шепиву шугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А шамъ пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

X.

Д В И Ж Е Н І Е.

Движенья нѣтъ, сказала мудрець брадашый.
Другой смолчалъ и спалъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ опившъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводить:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходить,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

XI.

Д Р У Ж Б А.

Что дружба? Легкій пыль похмѣля,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнь тщеславія, бездѣля,
Иль покровительства позоръ.

XII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчишь, и свищешь, и гремишь;
Но безполковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердишь,
И эхо вслѣдъ за нею то же.
Накуковали намъ шоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

XIII.

С О В Ъ Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не шпашь учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердишься грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эниграмой.

XIV.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной

Она помиралась, увядала...

Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной

Младая пѣнь уже летала;

Но недоступная черта межъ нами есть.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,

И равнодушно ей внималъ я.

Такъ вошь кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною, помышельной поскою,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной пѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

XV.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняешь лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребришь морозъ увянувшее поле,
Проглянешь день какъ будто по неволѣ,
И скроешься за край окружающихъ горъ.
Пылай, каминь, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней спужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутое забвенье горькихъ мукъ.

Печалень я: со мною друга нѣтъ,
 Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожашь опъ сердца руку
 И пожеласть веселыхъ много лѣтъ.
 Я пью одинъ; вошще воображенье
 Вокругъ меня шоварищей зовешъ;
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ....
 Но многіе ль и шамъ изъ васъ пируютъ?
 Еще кого не дощитались вы?
 Кшо измѣнилъ плѣнншельной привычкѣ?
 Кого опъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на братской переключкѣ?
 Кшо не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерпалъ надъ Рускою могилой
Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ швоя дорога,
О волнь и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечшались тебѣ;
 Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повпорялъ: на долгую разлуку
 Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Сроссался онъ подъ сѣною дружныхъ музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастье куда бъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Ошечество намъ Царское-село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запущанный въ сѣняхъ судьбы суровой,
 Я съ шрепешомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моей печальной и мяшежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Мнѣ сладкая готовилась опрада:
 Трoихъ изъ васъ, друзей моей души,
 Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
 О * * * мой, ты первый посѣшилъ;
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, * * *, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все шопъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣшились и брашки обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ;
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщуя Пермескихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О * * * мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
 И дивное волненіе мы познали;
 Съ младенчества двѣ музы къ намъ лепали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
 Но я любилъ уже рукоплесканья,
 Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
 Свой даръ какъ жизнь я прапиль безъ вниманья,
 Ты геній свой воспитывалъ въ пиши.

Служеніе музъ не терпишь суеты;
 Прекрасное должно быть величаво:
 Но юность намъ совѣщаетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты...
 Опомнимся — но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
 Скажи, * * *, не по ль и съ нами было,
 Мой бранъ родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не споить міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду себя, мой запоздалый другъ —
Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую оштрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я,
Исполнится завѣщъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подьятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, ликующая муза,
 Благослови: да здравствуетъ Лицей!
 Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
 Къ ушамъ подъявъ признавательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тупь!
 Увы, нашъ кругъ часъ ошъ часу рѣдѣетъ;
 Кто въ гробъ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;
 Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
 Невидимо склоняясь и хладѣя,
 Мы близимся къ началу своему...
 Кому жь изъ насъ подь старость день Лицея
 Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнишь насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ опрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведётъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провель безъ горя и заботъ.

XVI.

Ж Е Н И Х Ъ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

Тужила мать, тужиль отецъ,

И долго приступали,

И отступились наконецъ,

А пайны не узнали.

Наташа стала, какъ была,

Опять румяна, весела,

Опять пошла съ сестрами

Сидѣть за воротами.

Разъ у песовыхъ у воротъ,

Съ подружками своими,

Сидѣла дѣвица — и вошь

Промчалась передъ ними

Лихая тройка съ молодцомъ.

Конями, крытыми ковромъ,

Въ саняхъ онъ стоя править

И гонить всѣхъ и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Спрямглавъ домой она бѣжитъ.
Онъ! онъ! узнала! говоритъ,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

Наустро сваха къ нимъ на дворъ

Нежданая приходишь.

Нашашу хвалишь, разговоръ

Съ отцомъ ея заводишь:

« У васъ товаръ, у насъ купецъ;

Собою парень молодецъ,

И спашной, и проворной,

Не вздорной, не зазорной.

« Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ

Не кланяется въ поясъ,

А какъ бояринъ между тѣмъ

Живеть, не безпокоясь;

А подарить невѣстѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перстни золошые,

И плашья парчевыя.

« Кашаясь, видѣлъ онъ вчера
 Ее за ворошами;
 Не по рукамъ ли, да съ двора,
 Да въ церковь съ образами? »
 Она сидишь за пирогомъ,
 Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
 А бѣдная невѣста
 Себѣ не видитъ мѣста.

« Согласенъ, говоришь отецъ;
 Ступай благополучно,
 Моя Нашаша, подь вѣнецъ:
 Одной въ свѣтелкѣ скучно.
 Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
 Не все косаткѣ распѣвать,
 Пора гнѣздо устроить,
 Чтوبъ дѣтушекъ покоить. »

Наташа къ спѣнкѣ уперлась

И слово молвить хочеть —

Вдругъ зарыдала, запряслась,

И плачетъ и хохочеть.

Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,

Водой спуденою поить

И льетъ остатокъ чаши

На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.

Опомнилась Наташа,

И говоритъ: «послушна я,

Святая воля ваша.

Зовите жениха на пиръ,

Пекише хлѣбы на весь міръ,

На славу медъ варите,

Да судъ на пиръ зовите.»

« Изволь, Напаша, ангель мой!

Головъ шебъ въ забаву

Я жизнь оцдашь! » — И пиръ горой;

Пекушь, варяшь на славу.

Вошь госпи честные нашли,

За столъ невѣсшу повели;

Поюшь подружки, плачуть,

А вошь и сани скачуть.

Вошь и женихъ — и всѣ за столъ.

Звеняшь, гремяшь спаканы,

Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;

Все шумно, госпи пьяны.

Женихъ. «А что же, милые друзья,

Невѣсша красная моя

Не пьешь, не ѣсть, не служить:

О чемъ невѣсша тужить?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ :

« Опкроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ ,

И день и ночь я плачу.

Недобрый сонъ меня крушитъ. »

Отецъ ей : « что жъ швой сонъ гласишь ?

Скажи намъ , что такое ,

Дитя мое родное ? »

« Мнѣ снилось , говоритъ она ,

Зашла я въ лѣсъ дремучій ,

И было поздно ; чуть луна

Свѣтила изъ-за тучи ;

Съ тропинки сбилась я : въ глуши

Не слышно было ни души ,

И сосны лишь да ели

Вершинами шумѣли.

« И вдругъ, какъ будто наяву,

Изба передо мною.

Я къ ней спучу — молчашь. Зову —

Отвѣща нѣтъ; съ мольбою

Дверь отворила я. Вхожу —

Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —

Вездѣ серебро, да злато,

Все свѣтло и богато. »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, твоя сонъ? »

Знашь жить тебѣ богато. »

Невѣста. « Постой, сударь, не конченъ онъ.

На серебро, на злато,

На сукна, коврики, парчу,

На Новгородскую камчу

Я молча любовалась,

И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій попъ...

Подѣхали къ крылечку.

Я поскорѣ дверью хлопъ,

И спряталась за печку.

Вотъ слышу много голосовъ....

Взошли двѣнадцать молодцовъ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

«Взошли толпой, не поклонясь,

Иконъ не замѣчая;

За столъ сядяшся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ братъ большой,

По праву руку братъ меньшей,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

« Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье... »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, пшвой сонъ?
Въщаетъ онъ веселье. »

Невѣста. « Поспой, сударь, не конченъ онъ.

Идешь похмѣлье, громъ и звонъ,
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

« Сидишь, молчишь, ни ѣсть, ни пьешь,
И покомъ слезы почишь,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая почишь;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губишь,
Ей праву руку рубишь. »

Ну, э́то, говори́тъ женихъ,

Прямая небылица!

Но не шу́жи, швой сонъ не лихъ,

Повѣрь, душа-дѣвица.

Она гляди́тъ ему въ лицо.

« А э́то съ чьей руки кольцо? »

Вдругъ молвила неvěста,

И всѣ привсѣпали съ мѣста.

Кольцо капи́лся и звени́тъ,

Женихъ дрожи́тъ блѣднѣя;

Смутились гости — Судъ гласи́тъ:

Держи, вяза́тъ злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ,

И скоро смертію казнень.

Прославила́сь Нашаша!

И вся пу́ть пѣсня наша.

XVII.

Въ крови горить огонь желанья,
Душа побой уязвлена,
Лобзай меня: швои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная тѣнь.

XVIII.

Верпоградъ моей сестры
Верпоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестящъ
Наливные, золошые;
У меня бѣгушъ, шумящъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣстъ аквилонъ,
И закаплюшъ ароматы.

XIX.

П. А. О * * *.

Бышь можешь, ужь недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаешься,
Вздыхаешь о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаешься.

Но и въ дали, въ краю чужомъ
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день ,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Лепишь поскующую тѣнь
На милыхъ бросишь взоръ умильной.

XX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,

Его жъ никто не преступаетъ.

Вся шварь разумная скучаетъ:

Иной отъ лѣни, тошъ отъ дѣль;

Кто вѣришь, кто упрасиль вѣру;

Тошъ насладиться не успѣлъ,

Тошъ насладился черезмѣру,

И всякъ зѣваешь да живешь —
 И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
 Зѣвай и ты.

Ф А У С Т Ъ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
 Разсѣяться.

М Е Ф И С Т О Ф И Л Ъ.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ запиши:

Fastidium est quies — скука

Опдохновеніе души.

Я психологъ... о вошь наука!..

Скажи, когда ты не скучалъ?

Подумай, поищи. Тогда ли,

Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,

А розги умъ твой возбуждали?

Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ

Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
 Имъ пыль вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился ты
 Въ великодушныя мечшы,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнишь, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня
 Ты вызвалъ наконецъ меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселишь себя старался,
 Возилъ и къ вѣдьямъ и къ духамъ,
 И что же? все попустякамъ.
 Желалъ ты славы — и добился,
 Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможну дань,
 А былъ ли счастливъ?

Ф А У С Т Ъ.

Перестань,
 Не расправляй мнѣ язвы тайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —

Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... лучъ ея случайной
 Неуловимъ. Мѣрская чесшь
 Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочетанье
 Двухъ душъ...

МѢФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнатьъ,
 Кого изволишь поминашь,
 Не Грѣшхень ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!

О пламя чистое любви!
 Тамъ, шамъ — гдѣ шѣнь, гдѣ шумъ древесной,
 Гдѣ сладко-звонкія струи —
 Тамъ, на груди ея прелестной
 Покоя помню главу,
 Я счастливъ былъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!

Услужливымъ воспоминаньемъ

Себя обманываешь ты.

Не я ль тебѣ своимъ спараньемъ

Доспавиль чудо красоты?

И въ часъ полуночи глубокой

Съ шобою свель ее? Тогда

Плодами своего шруда

Я забавлялся одинокой,

Какъ вы вдвоемъ — все помню я.

Когда красавица швоя

Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,

Ты безпокойною душой

Ужъ погружался въ размышленье

(А доказали мы съ шобой,

Что размышленье — скуки сѣмя).

И знаешь ли, философъ мой,

Что думалъ ты въ шакое время,

Когда не думаешь никто?

Сказать ли?

Ф а у с т ь.

Говори. Ну, что?

Мефистофиль.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!

Какъ жадно я тебя желалъ!

Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной

Я грезы сердца возмущалъ!

Любви невольной, безкорыстной

Невинно предалась она...

Чшожь грудь моя шеперь полна

Тоской и скукой ненавистной?...

На жертву прихопи моей

Гляжу, упившись наслажденьемъ,

Съ неодолимымъ отвращеньемъ:

Такъ безрасчетный дуралей,

Вопще рѣшась на злое дѣло,

Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,

Бранишь ободранное тѣло;

Такъ на продажную красу,
 Насытясь ею поропливо,
 Развращъ косишься боязливо...
 Пошомъ изъ эшаго всего
 Одно ты вывелъ заключенье...

Ф а у с т ь.

Сокройся, адское творенье!
 Бѣги ошъ взора моего!

Мефистофиль.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, ошъ тебя
 Не смѣю оплучаться я —
 Я даромъ времени не шрачу.

Ф а у с т ь.

Что шамъ бѣлѣешь? говори.

Мефистофиль.

Корабль Испанскій трехмачтовый,
 Пристасть въ Голландію готовый:
 На немъ мерзавцевъ сошни три,

Двѣ обезьяны, бочки злапа,
Да грузъ богатый шоколада...

.

Ф а у с т ь.

Все ушопить.

М е ф и с т о ф и л ь.

Сей часъ. (*Исчезаетъ.*)

XXI.

Н. Н.

Примите Невскій Альманахъ.

Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ :

Вы шуть найдете * * * ова ,

Вел * * * , Х * * * ова ;

К * * * , дальній вашъ родня ,

Украсилъ также книжку эшу ;

Но не найдете вы меня :

Мои стихи скользнули въ Лесту.

Что слава міра?.. дымъ и прахъ.

Ахъ , сердце ваше мнѣ дороже!...

Но , кажется , мнѣ шрудно тоже

Попастъ и въ эпошь альманахъ.

XXII.

Б у р я.

Ты видѣль дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда, лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и лещалъ
Съ ея лепучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

1826.

I.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою помимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полѣтъ,

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце препешное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,
Во грудь отверсшую водвинулъ.
Какъ шрупь въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

II.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны,
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Упомишительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика :
То разгулье удалое ,
То сердечная шоска

Ни огня, ни черной хашы
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосапы
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина ,
Завтра къ милой возвращаясь ,
Я забудусь у камина ,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
 Мѣрной кругъ свой совершивъ,
 И докучныхъ удаляя
 Полночь насъ не разлучивъ. . .

Грустно, Нина: пущь мой скучень,
 Дремля смолкнулъ мой ящикъ,
 Колокольчикъ однозвучень,
 Опуманень лунный ликъ.

Ирина Фридриховна
Телескоп
1838. Юл.

III.

ОТВѢТЪ О. Т***.

Нѣтъ, не Черкешенка она :
Но въ доли Грузіи отвѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмага Казбека.

Нѣтъ, не агашъ въ глазахъ у ней :
Но всѣ сокровища востока
Не споятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

IV.

КЪ ЯЗ * * *.

Яз * * *, кто тебѣ внушилъ

Твое посланье удалое?

Какъ ты шалишь, и какъ ты миль,

Какой избытокъ чувствъ и силъ,

Какое буйство молодое!

Нѣтъ, не Каспальскою водой

Ты воспоилъ свою камену;

Пегась иную Иппокрену

Копытомъ вышибъ предъ шобой.

Она не хладной льется влагой,

Но пѣнился хмѣльною брагой;

Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напишокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

1827.

I.

С Т А Н С Ы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни :
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мяшежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ ошличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣяль просвѣщенье,
Не презираль страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобень:
Какъ Онъ неупомимъ и твёрдъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

II.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы,
Гдѣ луна теплѣ блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ Мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила :

« Сохрани мой талисманъ :

Въ немъ таинственная сила !

Онъ тебѣ любовью данъ.

Отъ недуга, отъ могилы ,

Въ бурю, въ грозный ураганъ ,

Головы твоей, мой милый ,

Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока

Онъ тебя не одаритъ ,

И поклонниковъ Пророка

Онъ тебѣ не покоришь ;

И тебя на лоно друга ,

Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ ,

Въ край родной на сѣверъ съ юга

Не умчитъ мой талисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцалуютъ не любя:
Милый другъ! ошь преступленья,
Ошь сердечныхъ новыхъ ранъ,
Ошь измѣны, ошь забвенья
Сохранишь мой талисманъ! »

III.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А Демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,

И ты не даромъ мнѣ сіялъ :

Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,

Не все я въ мірѣ презиралъ.

ІОСИФЪ АБРАМОВИЧЪ

И Ц. Б. Н. Р.

IV.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поешь надъ розою воспочный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внимлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему спремись ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; взывасшь—нѣтъ ошѣтна.

V.

Ч Е Р Е П Ъ.

Прими сей черепъ, Д***: онъ
 Принадлежитъ тебѣ поправу.
 Тебѣ повѣдаю, баронъ,
 Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
 Парамъ Вакха нагрѣвался;
 Лишовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударялся;
 Сквозь эту кость не проходила
 Лучъ животворный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
 Тяжеловѣсный мозгъ барона,

Барона Д***. Баронъ
 Конечно былъ охотникъ славный,
 Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
 Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
 Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
 И предокъ твой крѣпкоголовый
 Смутился бъ рыцарской душой,
 Когда бъ тебя передъ собой
 Увидѣлъ безъ одежды бранной,
 Съ главою, миртами вѣнчанной,
 Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
 Ужъ былъ давно записанъ онъ,
 И съ предками своими въ Ригѣ
 Вкушалъ непробудимый сонъ.
 Баронъ въ обители печальной
 Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
 Пастора лестью погребальной,
 Гербомъ гробницы феодальной

И эпитафіей плохой.

Но въ наши безпокойны годы

Покойникамъ покоя нѣтъ.

Косматый баловень природы,

И математикъ и поэтъ,

Буянъ задумчивый и важный,

Хирургъ, юристъ, фізіологъ,

Идеологъ и филологъ,

Короче вамъ — студентъ присяжный,

Съ вишою трубкою въ зубахъ,

Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ

Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво

Въ шаклирахъ ешалъ онъ пѣнишь пиво,

Въ дыму табачныхъ облаковъ;

Бродишь надъ берегами моря,

Мечтаешь о Лопхенъ, или съ горя

Спихи пишешь, да бишь Жидовъ.

Студентъ подъ лѣстницею шаклира

Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:

Тамъ, въ видѣ зеркаль и картинъ,

Корошкій плащъ, картузь, рапира
 Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
 Полуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихше и Пашона,
 Да два восточныхъ лексикона,
 Подъ паушиною въ углу
 Лежали грудой на полу,
 Предметъ занятій разнородныхъ
 Ученаго, да крысъ голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почтенный мыслишель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глупой суетой,
 Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
 Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердечъ высокихъ оппечашокъ.
 Сшуденшъ однакожъ наконецъ
 Замѣпилъ важный недоспашокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ... скелетъ;
 Предметъ, философамъ любезный,

Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ :
 Но гдѣ достанешь онъ склещь ?
 Вотъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И потчасъ взявъ въ соображеніе
 Его характеръ и служеніе,
 Рѣшился подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой герой
 Открылся кистеру душой
 И говоритъ : нельзя ль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный,
 И между тѣмъ одинъ склещь
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ ?
 Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ :
 Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обищели моей.

Смутился кистерь изумленный.
 « Что за желанье? что за спрась?
 Ищи въ подвалъ уединенный,
 Встревожишь мертвыхъ сонъ почтенный
 И одного изъ нихъ укрась!
 И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
 Что скажешь мертвые потомъ? »
 Но пиво, спраха усыпишель
 И гнѣвной совѣсти смиришель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нёмъ.
 Ну, шакъ и бышь! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будешь все гошово
 И другу назначаетъ часъ.
 Они расстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоишь герой нашъ знамениый
 У галлерей гробовой,
 И съ нимъ пресупный кистерь мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбиый,

Гоповъ на подвигъ роковой.

И вопъ визжишь замокъ заржавый,

Визжишь предапельская дверь —

И сходяшь випязи шеперь

Во мракъ подвала величавый;

Сіаньемъ пощимъ фонаря

Глухіе своды озаря,

Идутъ — и эхо гробовое,

Смущенное въ своемъ покоѣ,

Пропяжно вшорить звукъ шаговъ.

Предъ ними длинный рядъ гробовъ;

Вездѣ щипы, гербы, короны;

Въ щеславномъ плѣніи кругомъ

Почіюшь непробуднымъ сномъ

Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы въ эту поэтическую минушу, если бы швой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку спуденша, вздумалъ за себя вступишься, ухватя

его за ворошъ, или погрозивъ ему коспянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвращаясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ шрапирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистерь лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя

люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ пѣхъ,
которымъ обязанъ я своимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д * * *: онъ

Принадлежишь тебѣ поправу.

Обдѣлай ты его, баронъ,

Въ благоприсойную оправу.

Издѣлье гроба преврати

Въ увеселительную чашу,

Виномъ кипящимъ освяти,

Да запивай уху да кашу.

Пѣвцу Корсара подражай,

И Скандинавовъ рай воинской

Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,

Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,

Надъ нимъ задумчиво мечтай:

О жизни мертвый проповѣдникъ,

Виномъ ли полный иль пустой,

Для мудреца, какъ собесѣдникъ,

Онъ стойтъ головы живой.

VI.

П О Э Т Ъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружёнъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣшей ничтожныхъ міра,
Быть можешь, всѣхъ ничтожій онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта вострепещет,
Какъ пробудившійся орёлъ.
Тоскуешь онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонишь гордой головы;
Бѣжишь онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнь,
На берега пустынныхъ волнь,
Въ широкошумныя дубровы...

VII.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція злая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Вespera по взморію плывесть,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.

Онъ любитъ пѣснь свою, поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и шихой музы полнъ,
Умѣетъ улаждать свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою
И шайные стихи обдумывать люблю.

VIII.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди разсыянной Москвы,
При полкахъ виспа и боспона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона,
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь пы
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.

Пѣвца, плѣненнаго побой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Кашалани
Цыганкѣ внемлеть кочевой.

1828.

Seite

I.

Ч Е Р Н Ь.

Procul este, profani.

Поэшь по лиръ вдохновенной
 Рукой разстянной бряцаль.
 Онъ пѣль — а хладной и надменной
 Кругомъ народъ непосвященной
 Ему безсмысленно внималь.

И толковала чернь тупая:
 «Зачѣмъ пакъ звучно онъ поеть?»
 Напрасно ухо поражая,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведеть?

О чемъ бренчить? чему насъ учить?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучишь,
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣсперъ пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣсперъ и бесплодна:
 Какая польза намъ отъ ней?»

П о э т ъ .

Молчи, безсмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, забошь!
 Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
 Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... шакъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже;
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч е р н ы .

Нѣтъ, если ты небесъ избраникъ,
 Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратъевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безспыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клевешники, рабы, глупцы;
 Гнѣздящся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давать намъ смѣлые уроки,
 А мы послушаемъ шебя.

П о э т ъ.

Подише прочь — какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйше смѣло:
 Не оживишъ васъ лиры гласъ!
 Душѣ прошивны вы какъ гробы.
 Для вашей глупости и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, шемницы, шопоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Смешающъ соръ — полезный прудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алшаръ и жертвоприношенъе,
Жрецы ль у васъ мешлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для бивъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

II.

Сто лѣтъ прошло, какъ Тевшонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Спраной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся, и въ Липсву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Спруился Нѣмень: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыя.
Символь Германца, на другомъ

Крестъ вѣры, въ небо возносящій
 Свои объятія грозящи,
 Казалось, свыше захватишь
 Хотѣлъ всю область Палемона,
 И племя чуждаго закона
 Къ своей подошвѣ привлечьъ.

Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
 Въ космашой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
 Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
 Липовцы юные, въ толпахъ,
 Со стороны одной бродили
 И зорко недруга слѣдили.
 Съ другой, покрытый шишакомъ,
 Въ бронѣ закованный, верхомъ,
 На спражѣ Нѣмецъ, за врагами
 Недвижно слѣдуя глазами,
 Пищаль, съ молитвой, заряжалъ.

Всякъ переправу охранялъ:
 Тоць Нѣмена госпепріимной,
 Свидѣшель ихъ вражды взаимной,
 Сталь прагомъ вѣчности для нихъ;
 Сношеній дружныхъ гласъ ушихъ,
 И всякъ, пересступившій воды,
 Лишень былъ жизни иль свободы.
 Лишь хмѣль Липовскихъ береговъ,
 Нѣмецкой шополью плѣненный,
 Черезъ рѣку, межъ просниковъ,
 Переправлялся дерзновенный,
 Бреговъ прошивныхъ доспигалъ
 И друга нѣжно обнималъ.
 Лишь соловьи дубравъ и горъ
 Постаринѣ вражды не знали,
 И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
 Другъ къ другу въ гости прилетали.

III.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовущъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти,
Припашили мертвеца.»
Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эши миѣ робяша!
Будешъ вамъ ужо мертвецъ!

Судь наѣдешь, опивѣчай-ка;
 Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
 Дѣлашь нѣчего; хозяйка,
 Дай кафшанъ: ужь поплещусь...
 Гдѣ жь мертвецъ?—«Вонъ, шая, э-вошъ!
 Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
 Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
 Мертвый видѣнь на песокъ.

Безобразно трупъ ужасный
 Посинѣлъ и весь распухъ.
 Горемыка ли несчастный
 Погубилъ свой грѣшный духъ,
 Рыболовъ ли взялъ волнами,
 Али хмѣльный молодецъ,
 Аль ограбленный ворами
 Недогадливый купецъ:

Мужикъ какое дѣло?
 Озираясь, онъ спѣшитъ;
 Онъ попопленное тѣло
 Въ воду за ноги тащитъ
 И отъ берега крутого
 Оттолкнулъ его весломъ,
 И мертвецъ внизъ поплылъ снова
 За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
 Плылъ качаясь, какъ живой:
 Проводивъ его глазами,
 Нашъ мужикъ пошелъ домой.
 «Вы, щенки! за мной ступайте!
 Будетъ вамъ по камачу,
 Да смотрите жъ, не болтайте,
 А не то поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
 Взволновалася рѣка,
 Ужъ лучина догорѣла
 Въ дымной хатѣ мужика,
 Дѣши спятъ, хозяйка дремлетъ,
 На паластяхъ мужъ лежишь,
 Буря воешь; вдругъ онъ внемлетъ:
 Кпо-то шамъ въ окно спучить.

«Кпо шамъ?» — Эй, впущи, хозяинъ! —

«Ну, какая шамъ бѣда?»

Чшо ты ночью бродишь, Каинъ?

Чортъ занесъ тебя сюда;

Гдѣ возишься мнѣ съ шобою?

Дома тѣсно и шемно.»

И лѣнивою рукою

Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучь луна капится —
 Что же? голый передь нимъ :
 Съ бороды вода спруится ,
 Взоръ отккрыть и недвижимъ ,
 Все въ немъ страшно онѣмло ,
 Опустились руки внизъ ,
 И въ распухнувшее тѣло
 Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ :
 Гостя голаго узнавъ ,
 Такъ и обмеръ : чѣмъ ты лопнулъ !
 Прошепталъ онъ задрожавъ .
 Страшно мысли въ немъ мѣшались ,
 Трясся ночь онъ напролѣтъ ,
 И до утра все стучались
 Подъ окномъ и у ворошь.

Есть въ народѣ слухъ ужасный :
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злился,
Ночью буря настаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

IV.

Т Ы и В Ы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвись замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

V.

Кобылица молодая,
Чеснь Кавказскаго шавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди; себя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направляю
Укороченной уздой.

VI.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
 Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
 И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой соедѣ!
 Товарищъ милый, но лукавый,
 Твой кубокъ полною не виномъ,
 Но упоительной отравой:
 Онъ заманилъ меня потомъ
 Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
 Не такъ ли опытный гусарь,
 Вербую рекрута, подноситъ
 Ему веселый Вакха даръ,

Пока воинственный угарь
Его на мѣстѣ не подкосить?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ снрояхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

VII.

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ :
Страсшей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоишелевъ языкъ !
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты :
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты !

VIII.

И. В. С * * *.

Я не люблю альбомовъ модныхъ :
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только смѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болшливостью любезной
И безыскусной неспрошой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являясь впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.

Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларь молищеннымъ стихомъ.

IX.

В О С П О М И Н А Н І Е.

Когда для смертнаго умолкнеть шумный день

И на нѣмыя спогны града

Полупрозрачная наляжеть ночи тѣнь

И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ

Часы томительнаго бдѣнья :

Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горятъ во мнѣ

Змѣи сердечной угрызеня ;

Мечты кипящъ ; въ умѣ, подавленномъ тоской,

Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваетъ свѣшокъ :

И, съ отвращеніемъ чиняя жизнь мою,
Я прелещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но шрокъ печальныхъ не смываю.

X.

Воронъ къ ворону лешишь,
 Воронъ ворону кричишь:
 Воронъ, гдѣ бѣ намъ опобѣдать?
 Какъ бы намъ о шомъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
 Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
 Въ чистомъ полѣ подѣ ракишой
 Богатырь лежишь убишой.

Кѣмъ убишь и ошъ чего,
Знаешь соколь лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколь въ рошу улетьль,
На кобылку недругъ съль,
А хозяйка ждешъ милóва,
Не убишаго, живова.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ пишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью упоженный,
 Равнодушно бури жду:
 Можесть быть, еще спасенный,
 Снова пристань я найду....
 Но, предчувствуя разлуку,
 Неизбѣжный, грозный часъ,
 Сжать твою, мой ангель, руку
 Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангель кроткій, безмятежный,
 Тихо молви мнѣ: проспи,
 Опечалься: взоръ свой нѣжный.
 Подыми или опусти;
 И твое воспоминанье
 Замѣнитъ душѣ моей
 Силу, гордость, упованье
 И отвагу юныхъ дней.

XII.

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Цвѣшокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И, вошь уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
И долго ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли поплъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣпокъ?

XIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и границъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходить маленькая ножка,
Вьется локонъ золошой.

XIV.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальшой.

Увы, напоминають мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черны далскоѣ, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаюшь мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальней.

XV.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вътрєнный Зонль,
Когда бѣ предательски злословилъ
Сей полъ, кошорому служилъ!

Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а шы
Была всегда бь опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XVI.

TO DAWE, ESQ^r.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуешь мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищеть Мефистофиль.

Рисуй * * * черты.

Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ гений.

1829.

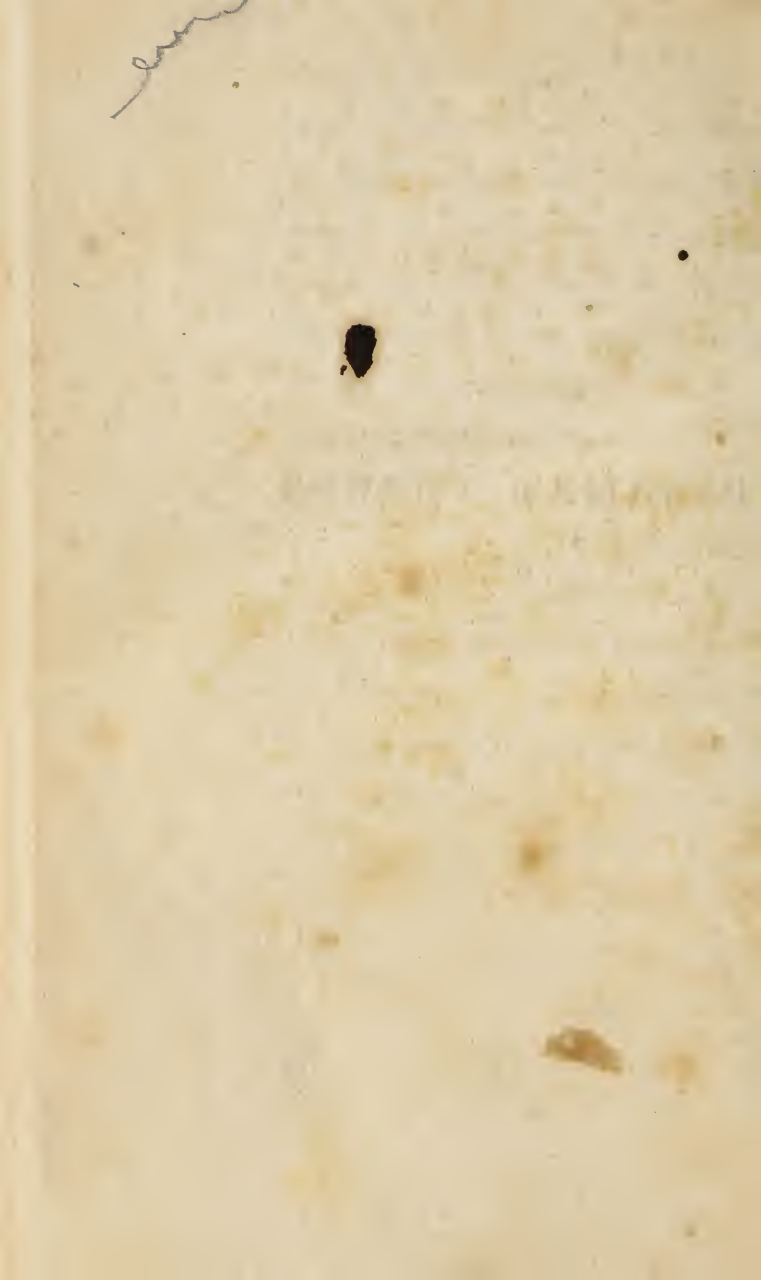

Е. Н. у * * * в о й.

Вы избалованы природой;
Она приспраспна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Чшо васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ спаномъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суеша.

Но красоты воспоминанье
 Намъ сердце прогаешь пайкомъ —
 И спрокъ небрежныхъ начертанье
 Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
 Авось на память поневоля
 Придешъ вамъ шотъ, кто васъ пѣвалъ
 Въ тѣ дни, какъ Пр * * * поле
 Еще заборъ не заграждалъ.

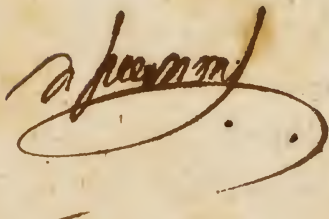
РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

П Т И Ч К А .

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светломъ праздникѣ весны.
Я снѣдь доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

II.

И Н О С Т Р А Н К Ъ.

На языкъ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Богошворишь не перестану
Тебѣ, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

III.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ зависпливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

IV.

К. А. Б * * *.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумавъ, я скажу все поже.

V.

П Р І Я Т Е Л Я М Ъ.

Враги мои, покаместъ я ни слова...

И, кажешся, мой быстрый гнѣвъ угасъ;

Но изъ виду не выпускаю васъ,

И выберу когда нибудь любого:

Не избѣжишь пронзительныхъ когтей,

Какъ налечу нежданный, беспощадный.

Такъ въ облакахъ кружишься ястребъ жадный

И спорожишь индѣекъ и гусей.

VI.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянешъ младость!
Не говори:
Вопь жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалю!
И на лилею
Намъ укажи.

VII.

СТАРИКЪ.

Ужъ я не шопъ любовникъ спрасной,
Кому дивился прежде свѣшъ :
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я швой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бѣ могъ родиться снова,
Ужъ шакъ ли бѣ я шебѣ служилъ!

VIII.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоиль
Разводитъ опіумъ черниль
Слюнею бѣшеной собаки.

IX.

П Р І Я Т Е Л Ю.

Не притворяйся, милый другъ ,

Соперникъ мой широкоплечій:

Тебѣ не страшень лиры звукъ ,

Ни элегическія рѣчи.

Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ ,

Я слишкомъ въпренъ и лѣнивъ ,

Твоя красавица не дура ;

Я вижу все и не сержусь :

Она прелестная Лаура ,

Да я въ Петрарки не гожусь.

X.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила, я спрадаю
Безотрадную поскою,
Я помлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

XI.

КЪ * * *.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часно омрачѣнь,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбишь вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаешь счастья.
На крашкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Опъ юности, опъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

XII.

У Кларисы денегъ мало ,
Ты богашъ; иди къ вѣнцу :
И богашство ей пристало ,
И рога шебѣ къ лицу.

XIII.

У ЕДИНЕНІЕ.

Блажень, кто въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскашельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ шрудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрышь, по милоспи Творца,
Отъ усыпишеля глупца,
Отъ пробудишеля нахала.

XIV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносень Ѳирсъ ученый,
Педантъ надупый и мудреный:
Онъ важно судишь обо всѣмъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю себя, сосѣдь Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу.

XV.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шумъ о нихъ спашейку писнулъ,
Безъ подписи жъ пусшивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуму
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня вминушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

XVI.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Имянинницы у насъ.
Между тѣмъ диша крылато,
Васъ привѣтсшвуя, друзья,
Вшайнѣ думаетъ: когда-то
Имянинникъ буду я?

XVII.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаешь онъ привычнымъ ухомъ

Свисеть ;

Мараешь онъ единымъ духомъ

Листъ ;

Пошомъ всему шерзаетъ свѣшу

Слухъ ;

Потомъ печашаешь : и въ Лешу

Бухъ !

XVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ * * *.

Судьба свои дары явишь желала въ нёмъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

XIX.

Хоть впрочем онъ поэтъ изрядный;

Эмилій человекъ *пустой*.

Да ты чѣмъ *полонъ* шушь нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XX.

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Расчетъ корошпокъ мой съ шобой:
Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла;
А ты бездѣльникъ дѣловой.

XXI.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель,
Гдѣ до упра слово пей
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просшорень кругъ гостей,
А кружокъ бушолокъ тѣсень.

XXII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жь новаго? — « Ей Богу ничего. »

— Эй не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.

Не стыдно ли, отъ друга своего,

Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.

Иль ты сердитъ: помилуй, братъ, за что?

Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...

« Охъ! отвяжись, я знаю только то,

Что ты дуракъ, да эшо ужь не ново. »

XIII.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счасіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кшаши
И умны вы не впопадъ.

XXIV.

К Ъ Б * * *.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучишь и блещешь какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зомъ прямой Чухонецъ.

XXV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказало злато;

Все мое, сказалъ булатъ.

Все куплю, сказало злато;

Все возьму, сказалъ булатъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(*V. Les derniers vers d'André Chénier.*)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.): одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3. И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(*H. de la Touche.*)

5. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

6. На роковой тѣлѣгѣ взяли на казнѣ съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(*H. de la Touche.*)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Спран.

1825.	I. Андрей Шенье.....	7.
	II. Сожженное письмо.....	16.
	III. Желаніе славы.....	17.
	IV. Вакхическая пѣсня.....	19.
	V. (Если жизнь тебя обманетъ).....	21.
	VI. Сафо.....	22.
	VII. Козлову. <i>По полученіи отъ него</i> <i>Чернеца</i>	23.
	VIII. Къ * * *.....	25.
	IX. Прозаикъ и поэтъ.....	28.
	X. Движеніе.....	29.
	XI. Дружба.....	30.
	XII. Соловей и Кукушка.....	31.
	XIII. Совѣтъ.....	32.
	XIV. (Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной).....	33.
	XV. 19 Октября.....	34.
	XVI. Женихъ. <i>Простонародная сказка</i> ...	44.
	XVII. (Въ крови горитъ огонь желанья)...	56.
	XVIII. (Верпоградъ моей сестры).....	57.
	XIX. П. А. О * * *.....	58.
	XX. Сцена изъ Фауста.....	60.
	XXI. Н. Н. <i>При посылкѣ ей Невскаго</i> <i>Альманаха</i>	68.
	XXII. Буря.....	69.

1826.	I. Пророкъ.....	73.
	II. Зимняя дорога.....	75.
	III. Ошвѣпъ Ѳ. Т * * *.....	78.
	IV. Къ Яз * * *.....	76.
1827.	I. Спансы.....	83.
	II. Талисманъ.....	85.
	III. Ангель.....	88.
	IV. Соловей.....	90.
	V. Черепъ. <i>Посланіе къ Д * * *</i>	91.
	VI. Поэпъ.....	100.
	VII. (Близъ мѣспъ, гдѣ царствуетъ Венеція злая). <i>Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье</i>	102.
	VIII. Княгиня З. А. Волконской. <i>При посылкѣ ей поэмы: Цыганы</i>	103.
1828.	I. Черя.....	107.
	II. (Сто лѣтъ минуло, какъ Тевпонъ). <i>Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валленродъ</i>	111.
	III. Упопленникъ. <i>Простонародная сказка</i>	114.
	IV. Ты и Вы.....	120.
	V. (Кобылица молодая). <i>Подражаніе Анакреону</i>	121.
	VI. Ошвѣпъ Капенину.....	122.
	VII. Наперсникъ.....	124.
	VIII. И. В. С * * *.....	125.
	IX. Воспоминаніе.....	127.

Спран.

Х. (Воронъ къ ворону лепишъ). <i>Шотландская пѣсня</i>	129.
ХІ. Предчувствіе.....	131.
ХІІ. Цвѣтокъ.....	133.
ХІІІ. (Городъ пышный, городъ бѣдный).....	135.
ХІV. (Не пой, красавица, при мнѣ) ...	136.
ХV. Отвѣтъ А. Н. Гошовцовой.....	138.
ХVІ. To Dawe Esqr.	140.
1829. Е. Н. У * * * вой. <i>Вѣ Альболиѣ</i> ..	143.

Разныхъ годовъ:

I. Птичка.....	147.
II. Иностранкѣ.....	148.
III. Къ портрету Жуковского	149.
IV. К. А. Б * * *	150.
V. Пріятелямъ	151.
VI. Роза	152.
VII. Старикъ. <i>Изъ Маро</i>	153.
VIII. (Охотникъ до журнальной драки) ..	154.
IX. Пріятелю.....	155.
X. Лилѣ.....	156.
XI. Къ * * *	157.
XII. (У Кларисы денегъ мало).....	158.
XIII. Уединеніе.....	159.
XIV. Добрый человекъ	160.
XV. <i>Ex ungue leonem</i>	161.
XVI. Имянины.....	162.
XVII. Исторія стихотворца.....	163.

XVIII. Къ портрету * * *.....	164.
XIX. (Хоть въпрочемъ онъ поэтъ изряд- ный).....	165.
XX. (Какъ брань тебѣ не надоѣла)	166.
XXI. Веселый пиръ.....	167.
XXII. Любопытный.....	168.
XXIII. (Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодати).	169.
XXIV. Къ Б * * *.....	170.
XXV. Золошо и булашъ.....	171.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

00025262232

